

DOI: 10.25178/nit.2025.2.20

Статья

Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения

Улданай М. Бахтикиреева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Светлана К. Башиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье рассматривается такой аспект изучения карачаево-балкарской свадебной обрядности, как десемантизация и приращение этнокультурных смыслов артефактов, прямо или косвенно связанных с обрядами свадьбы. Эмпирический материал получен методом выборки наименований предметов и явлений из документальных, лексикографических, этнографических, фольклорных источников и включает номинации артефактов двух видов — «околосвадебные» и свадебные.

Заложенные этнокультурные смыслы «околосвадебных» артефактов обеспечивают реализацию ценностно-ориентационной, регулирующей, аксиологической и др. функций, межпоколенной трансмиссии. Их можно разделить на актуальные, функционирующие в современной жизни этноса и неактуальные, сохраняющиеся в языковой системе в качестве историзмов и архаизмов, которые получили замены.

Актуальными для обряда сватовства в прошлом являлись различные предметы. Они не имеют прямого отношения к свадебному обряду, однако их сопроводительная функция заключалась в содержащейся в них невербальной информации, которые сватам необходимо «прочитать» и принять адекватные решения. Ряд артефактов ярко демонстрируют процесс десемантизации этнокультурного смысла, они принципиально не декодируются, как прежде.

Ключевые слова: свадебная обрядность; культурный артефакт; этнокультурный смысл; десемантизация; карачаево-балкарская культура

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М., Башиева С. К. Этнокультурный смысл артефактов карачаево-балкарской свадьбы: процессы десемантизации и приращения // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 339-353. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова; профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов. Адреса: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Article

The ethnocultural meaning of the artifacts of the Karachay-Balkarian wedding: the processes of desemantization and increment

Uldanai M. Bakhtikireeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, RUDN University, Russian Federation,

Svetlana K. Bashieva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article examines an aspect of the study of Karachay-Balkar wedding rituals — namely, the desemantization and the accretion of ethnocultural meanings in artifacts directly or indirectly related to wedding ceremonies. The empirical material was collected through a sampling method of object and phenomenon names drawn from documentary, lexicographic, ethnographic, and folkloric sources. It includes nominations of two types of artifacts: “pre-wedding” and wedding related.

The embedded ethnocultural meanings of “pre-wedding” artifacts serve to realize various functions, including value-orientational, regulatory, and axiological, as well as intergenerational transmission. These artifacts can be classified into those that remain relevant and function within the contemporary life of the ethnic group, and those that are no longer relevant preserved within the linguistic system as historicisms and archaisms that have since been replaced.

In the past, various items were considered essential to matchmaking rituals. While not directly related to the wedding ceremony itself, their accompanying function was rooted in the non-verbal information they conveyed—information that had to be “read” and interpreted appropriately by the matchmakers. A number of these artifacts vividly illustrate the process of desemantization of ethnocultural meaning, as they are no longer decoded in the same way as before.

Keywords: wedding ritual; cultural artifact; ethnocultural meaning; desemantization; Karachay-Balkar culture

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within “Priority 2030” program (agreement no. 43).

For citation:

Bakhtikireeva U. M. and Bashieva S. K. The ethnocultural meaning of the artifacts of the Karachay-Balkarian wedding: the processes of desemantization and increment. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 339-353. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.20>

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov; Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 10A Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

BASHIEVA, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

Введение

Термин *десемантизация*, который в лингвистике принято использовать в случаях изучения постепенной утраты лексического значения слова, используется в разных дисциплинах гуманитарного цикла. Он заметно актуализировался в исследованиях, посвященных десемантизации сакральных конструктов, культурных процессов, психологических практик в общем культурном контексте (Щербинин, Щербинина, 2019; Дичковская, 2018; Соколова, 2022; Михайлова, 2010; и др.).

В данной статье под этим термином понимается исчезновение ранее имевшегося этнокультурного смысла в отдельных артефактах—предметах действительности (вещь, явление, процесс, признак). Этнокультурный артефакт — любой феномен бытовой и духовной жизни этноса: орудие труда, жилище, одежда, предмет бытовой утвари, продукт национального ремесла и др., традиционные обряды и ритуалы, как правило, наряду с собственными физическими характеристиками, раскрывающими утилитарный смысл конкретного артефакта, имеет и знаковое, символическое содержание в силу включенности в «семиотическое пространство» (Лотман, 1996: 165)¹ бытовой и духовной культуры этноса.

Единство трех элементов (*означающее — денотат — означаемое*) как категория значения и основная единица семантики², транслируется не только словом, но и сочетанием, включая фразеологические единицы, и содержит дополнительный, этнокультурный смысл. В исторической перспективе сопутствующие любому обряду этнокультурные артефакты, как и сами обряды, могут утрачивать заложенный предшествующими поколениями этноса смысл, то есть подвергаться процессу десемантизации или наращению.

Процессы десемантизации этнокультурных смыслов свойственны и свадебной обрядности. Это всемирное явление сохраняет непреходящую актуальность как объект научных исследований. Описание свадебных обрядов и ритуалов, традиций их организации и проведения в различных регионах мира³ свидетельствуют о том, что свадьба как «комплекс обрядов, отмечающих заключение брака»⁴, является одним из наиболее важных событий, сопровождающих жизнь отдельного субъекта и общества (рождение ребенка, внука, переезд в другую страну, похороны и др.). Обрядовые и ритуальные действия, в т. ч. предсвадебные и свадебные представляют собой образец синкретизма слова и действия, реалий и символов, номинации и этнокультурных смыслов. Вбирая в себя фрагменты разных исторических эпох, этот вид действий отражает общественные отношения и является социально-детерминированным фактом.

Современные глобализационные процессы, экспансия массовой культуры, переход к новой ступени развития цивилизации—информатизации также, как и предыдущие, влияют на трансформацию этнических обрядностей, общественного сознания этноса и его системы ценностей. Собственно этот вывод справедлив по отношению к большинству ритуально-обрядовой деятельности этносов, живущих на постсоветской территории. Свадебная обрядность остается одним из важнейших индикаторов этнической идентичности, несмотря на заметную трансформацию их социальных функций, и является интересным объектом для исследований (Ламажаа, 2021: 77, 97; Тувинцы. Родные ... , 2022: 138).

¹ «Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство» (Лотман, 1996: 165).

² Семантика [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3546954?ysclid=m9gnx58h7m65193787> (дата обращения: 15.03.2025).

³ См. напр.: Островский Е. Б. Вологодский свадебный фольклор: История, традиции, поэтика: дисс. ... канд. филол. н. М., 1999; Финько О. С. Лексика свадебного обряда Кубани: на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края: дисс. канд. филол. н. Курск, 2011; Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин: лексика, семантика, символика: дисс. ... канд. филол. н. Владикавказ, 2013; Романюк П. Ф. Лексика некалендарных обрядов Правобережного Полесья (на материале свадебного обряда): дисс. ... канд. филол. н. Киев, 1984; и мн. др.

⁴ Свадьба [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/4994474?ysclid=m8rg61p53887277941> (дата обращения: 23.03.2025).

Вне сомнений, не статична, но динамична и карачаево-балкарская пред- и свадебная традиция. При сохранении смыслового ядра наблюдается динамика периферийной зоны — приращение или исчезновение этнокультурных смыслов, прежде имевшихся в тех или иных сопутствующих данной обрядности вещах, явлениях. Это обнаруживается при анализе номинаций артефактов, репрезентирующих особенности кодирования предметов и явлений бытовой и духовной культуры этноса. Одни «архетипические» ритуалы свадебной обрядности сохранились до наших дней, а другие приобретают характер архаики, что демонстрирует «свадебный» лексический состав языка (Шаймердинова, 2019: 86).

Результатом процесса десемантизации считается редукция или полная утрата, или приращение этнокультурного смысла той или иной вещи или явления, что в свою очередь ведет к трансформации семантики этнокультурного пространства в целом, развитию новых смыслов и форм этнокультуры. В «свадебном» дискурсе карачаево-балкароведения, берущем начало своего письменного оформления с середины XIX в. и продолжающемся в отдельных исследованиях постсоветского периода, в которых в той или иной мере рассматриваются историко-социокультурные изменения свадебной обрядности, процессы десемантизации и приращения этнокультурного смысла артефактов недостаточно подвергаются научной рефлексии.

Цель настоящей статьи — актуализировать такой аспект изучения карачаево-балкарской свадебной обрядности, как десемантизация и приращение этнокультурных смыслов артефактов, прямо или косвенно связанных с обрядами свадьбы. Достижение поставленной цели реализуется посредством решения следующих задач: а) изучение и обобщение документальных источников (публикаций) с последующим выявлением уровня научной рефлексии в заявленном аспекте; б) анализ эмпирического материала, репрезентирующий процессы десемантизации и актуализации этнокультурных смыслов артефактов.

Эмпирический материал, использованный в статье для аргументации выдвинутого аспекта изучения, получен методом выборки наименований предметов и явлений из документальных, лексикографических, этнографических, фольклорных источников и включает номинации артефактов двух видов: а) «околосвадебные», т. е. применяемые в повседневной жизни карачаевцев и балкарцев как этнокультурные объекты и занимающие важное место в свадебных мероприятиях; б) свадебные, непосредственно являющимися самостоятельными объектами свадебной обрядности.

Обзор литературы

В научной литературе, исследующей различные аспекты карачаево-балкарской свадебной обрядности, получили свое отражение исторические, этнографические, социальные и другие особенности церемониала создания семьи. Представители разных отраслей научного знания, преследуя свои цели и задачи, неизменно работают с языковым материалом, относящимся непосредственно или косвенно к изучаемому объекту, поскольку «учет языкового контекста имеет большое значение для адекватного освещения вопросов, находящихся в поле зрения таких смежных научных дисциплин, как культурология, социология и история и т. п.» (Нещименко, 1994: 78).

До сих пор точкой отсчета в научном изучении этого объекта остается работа русского историка Н. Ф. Грабовского, впервые в рамках сбора материалов о народах, проживающих на Кавказе, описавшего модель балкарской свадьбы в российской науке середины XIX в.¹ Значительно позже появились другие исследования. Особенности заключения брака и свадебных обрядов карачаевцев в период с XIX до начала XX в. описаны этнографом И. М. Шамановым (Шаманов, 1979); информативные сведения о свадебной обрядности представлены в ряде трудов балкарского хореографа М. Ч. Кудаява (Кудаяв, 1988, 2003, 2011, 2012). Значимой для наших поисков представляется монография этнолога и историка М. Ч. Кучмезовой, в которой рассматриваются компоненты соционормативной культуры балкарцев в прошлом и их современных функций (Кучмезова, 2003). Субстратные и суперстратные напластования в культуре, традиционные и общественные институты социальной адаптации индивида выживания этноса в конкретной географической и геополитической среде, воздействие совре-

¹ Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 3–24.

менной массовой культуры с её объективно новой эстетикой и ценностями, по ее наблюдениям, не обошли и свадебные обряды.

Специалист в области педагогики К. Б. Семенов фокусирует исследовательское внимание на дидактическом потенциале запретов, знание которых можно использовать в качестве одного из эффективных средств формирования подрастающего поколения. Владение информацией о запретах и избеганиях, существующие во внутрисемейных отношениях карачаевцев и регулирующие взаимоотношения между молодожёнами и родителями мужа, между женой и мужем, между детьми и их родителями, между зятем и родителями (Семенов, 2006), несомненно, важно для поддержания этнической культуры, этнической педагогики и нравственного воспитания в целом.

Работа А. М. Сарбашевой, посвященная анализу традиционной свадебной обрядности, рассматривает, в частности, и малоизученный комплекс вопросов, связанных с фольклорно-этнографическими истоками драматургических форм балкарцев (Сарбашева, 2014).

Этнолог и историк А. Н. Болурова посвятила свою статью регулированию брачных отношений у карачаевцев. В ней освещаются вопросы экзогамных запретов, предписывающих невозможность заключение брака между лицами, имеющими общих предков, и сословных ограничений и др. (Болурова, 2018).

Из краткого обзора исследований в смежных с лингвистикой отраслях знаний можно сделать вывод о том, что трансформация этно-коннотированных артефактов, основным механизмом функционального статуса которых в карачаево-балкарских обрядовых мероприятиях являются этнокультурные смыслы, еще недостаточно исследована. Перспективу в плане развертки разноаспектных исследований карачаево-балкарской свадьбы мы усматриваем в указанных выше трудах М. Ч. Кудаева. Наряду с различными особенностями культуры проведения церемониала создания семьи ученый сосредоточил внимание на этнокультурной специфике древних свадебных танцев и, в частности, на номинациях предметов, символизировавших тактики поведения родителей девушки при приеме сватов (Кудаев, 2011). Описание процесса трансформации этнокультурных смыслов нами выявлено в упомянутой выше монографии М. Ч. Кучмезовой, где среди других аспектов уделяется внимание и свадебной традиции.

Из последних работ, отвечающих нашим поискам, особо отметим работу историков Р. М. Бегулова и Р. Ш. Зельницкой. Преимущественно на полевом материале, собранном в ходе этнографической экспедиции в 2017 г. в Карачаево-Черкесию (Большой Карачай: села Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук; населенные пункты Теберды и нового Карачая), исследователи изучили проблему трансформации свадебной обрядности, произошедших на протяжении XX в. Анализируя важнейшие этапы свадебного ритуала в Карачае, авторы статьи делают вывод о том, что влияние ислама и русско-европейских традиций, заметное упрощение некоторых обрядов и ритуалов за столетний период не разрушило этнокультурное ядро карачаевского свадебного и предсвадебного «института» (Бегулов, Зельницкая, 2018).

С лингвистических позиций активное осмысление и описание карачаево-балкарской свадебной обрядности, как полагаем, началось в 2000-х гг. К первым работам относим статью А. К. Аппоева¹, в которой собранные автором термины условно делятся «на несколько групп: а) термины, обозначающие персонажей свадьбы; б) термины декоративного убранства праздничных церемоний; в) термины дарообмена; 2) термины штрафов и шуточных выкупов; д) термины циклов традиционной свадьбы»². В небольшой по объему статье А. К. Аппоева прозвучал и такой вывод: «Наши наблюдения показывают, что в последние годы некоторые обряды постепенно исчезают или подвергаются трансформации. Этот процесс, к сожалению, способствует ослаблению функционального потенциала этнографической лексики»³.

¹ Аппоев А. К. Этнографические термины, связанные со свадебными обрядами балкарцев // Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : в 5 т. Нальчик Каб.-Балк. ун-т, 2002. Т. 1. С. 15–17.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же. С. 17.

Чуть позже в диссертации А. К. Аппоев осуществил попытку выявления системного описания этнографической лексики карачаево-балкарского языка¹. По сути, это был первый опыт всестороннего этнографического исследования этнографизмов в карачаево-балкароведении (1 тыс. лексических единиц). Этнографическая лексика охарактеризована автором в зависимости от ее отношения к современному карачаево-балкарскому литературному языку, рассмотрена структура, основные способы и типы образования этнографической лексики, выделены архаизмы, историзмы, неологизмы².

Этнографизмам, репрезентирующим повседневную жизнь карачаевцев и балкарцев и занимающим важное место в свадебных мероприятиях, и собственно «свадебным» уделено отдельное внимание. Так, в номинациях по материалу представлены следующие «свадебные и околосвадебные» этнографизмы: *саман юй* 'саманный дом', *таш юй* 'дом из камня; *томуроу / тёнгертке (карач.) юй* 'рубленный (бревенчатый) дом' и др., а также *ожакъ* 'очаг, который образуется в результате горения' (от *жакъ* 'развести огонь'), *келинни юйге кийириу* 'обряд введения невесты в дом' (от *келинни юйге кийирген* 'ввод невесты в дом'), *киеу кёрюне барыу* 'обряд посещения зятем дома жены'; *киеу кёрюне баргъан* 'посещение зятем родительского дома жены'; *бёрк алыу* 'обычай срывания шапки' (после свадьбы, во время первого прихода зятя в дом родителей невесты кто-либо из молодых родственников невесты может сорвать шапку с головы жениха, за что дружки жениха должны дать выкуп); *къыз кёрюу* 'обычай смотра невесты, смотрины'; *къыз къачырыу* 'обычай умыкания девушки'; *тил тутуу* 'обычай молчания (запрет невестке разговаривать со старшими родственниками мужа до их ритуального разрешения)'; *келин келтириу* 'обычай доставки невесты в дом жениха' и др.; *балдыз* 'свояченица', *келин 'сноха'*³.

В более поздней работе, посвященной свадебной обрядности, А. К. Аппоев (Аппоев, 2011) выбранные номинации разделяет на две большие лексико-семантические группы на основе денотативной функции: термины материальной культуры и термины духовной культуры, которые в свою очередь подразделяются на более мелкие разряды и подгруппы. К наименованиям, связанным с традиционными обрядами сватовства, бракосочетания исследователь относит: *келечи* 'сват'; *келинни юйге кийириу* 'обряд введения невесты в помещение, где живут родители мужа, и показ ее родителям и родственникам жениха'; *жоллукъ* 'выкуп за проезд или проход' (свадебный обряд); *жегенден тюшюрюу* 'вывод невесты из родительского дома'; *неках* 'бракосочетание (по мусульманскому обряду)'; *къалын* 'калым, выкуп за невесту'; *неках сый* 'подарки, которые приносят со стороны жениха в дом девушки при помолвке'; *аталыкъ* 'подарки, даримые невестой свекру'; *аналыкъ* 'свадебный подарок матери (от жениха или невесты)'; *баш ау алыу* 'показ невесты родителям и родственникам жениха, после чего она приобщается к домашнему труду'; *дигиза* 'женщина или девушка, обслуживающая молодую невесту, в первые брачные дни'; *атланган той* 'танцы, устраиваемые по случаю проводов гостей в путь'; *атланган аякъ* 'чаша с напитком (бузой) или спиртные напитки с закуской, подаваемые жениху и его товарищам для выпивания перед отъездом из дома или гостям, уходящим от праздничного стола'; *юйге киргенлик* 'подарок в дом родственников мужа в честь первого визита молодой невестки'; *сый* 'подарки в виде продуктов, вещей, скота, которые посылает дом жениха в дом невесты после свадьбы'; *кёрюмдюк* 'подарок за смотрины' (в честь того, что впервые увидел молодую невестку или новорожденного); *къоз бёрк* 'ореховая шапка', высоко устанавливаемая шапка из прутьев, обтянутая шелковой тканью, чаще бархатом, с лакомствами и подарками, за которыми парни-смельчаки лезут по промасленному ремню; доставший шапку раздает лакомства и подарки девушкам; *тенгек сый* 'приз, выделяемый из сувениров невесты для награждения победителя по стрельбе'; *неках табакъ* 'поднос — подношение со свадебной ритуальной пищей в знак бракосочетания'; *гяпчи* 'ряженный — персонаж свадьбы, развлекающий народ на свадьбах'; *болуш юй* 'дом, где в первые брачные дни пребывает жених'; *орайда* 'народная песня, которая исполняется, когда выводят невесту и приводят в дом жениха' и др. (там же: 25–29).

Для наших поисков значимым является вывод ученого о том, что изучение этнографической лексики по лексико-семантическим группам предоставляет возможность «установить природные ус-

¹ Аппоев А. К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка : автореф. дис. ... канд. филол. н. Нальчик, 2003.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 15, 20–22.

ловия, в которых проходила жизнь народа, его основные занятия, особенности хозяйства, жилища, древнейших верований, психологию народа» (там же: 30). Этот вывод расценивается нами как наличие в лингвистическом «свадебном» дискурсе понимания необходимости системного осмысления тематических этнографизмов.

Вместе с тем мнение о том, что среднему и молодому поколению практически неизвестны «общелитературные, народные и региональные их наименования», потому что многие этнографизмы «не отражены в словарях» (там же: 26), мы не разделяем. Незнание той или иной тематической лексической единицы связано не с тем, что молодые люди не заглядывают в словари. Актуальность и витальность этнографизмов определяется частотностью их использования в этнолингвокультуре, а частотность в свою очередь напрямую зависит от социально-культурных изменений.

А. А. Девеева сосредоточивает внимание на описании основных лексико-семантических групп свадебной лексики, репрезентирующей процесс подготовки к свадьбе, процесса сватовства. Здесь также проводится идея актуальности изучения этнокультурных свадебных ритуалов, посредством которых возможно более глубокое познание самобытности духовной культуры карачаево-балкарского этноса (Девеева, 2017). Однако развернутого описания эта идея не получила, так же, как и в другой статье (Девеева, Додуева, 2016).

Более результативной представляется статья А. Т. Додуевой, А. А. Жабоевой, А. А. Девеевой, посвященная локативам в лексике свадебного обряда карачаевцев и балкарцев, которые репрезентируют пространственные значения номинаций жилища человека: *юй* 'дом', *ата юйю* 'отчий дом' и др., и его частей: *отоу* 'комната молодожёнов' и др. Такой подход позволил прийти к выводу о том, что полисемичное слово *жер* 'место, местность; пространство; земля, территория' является центром поля локативности и «общим идентификатором» имён пространственной семантики, раскрывающей свадебную обрядность, и «выполняет функцию конкретизатора пространственных отношений» (Додуева, Жабоева, Девеева, 2018: 166–168).

Определенный вклад в преодоление статичности лексико-семантического описания внес один из авторов настоящей статьи в работе, посвященной лингвокогнитивному осмыслению гендерной обрядовой нормы — соблюдение девушкой правил добрачного поведения, сохранение целомудрия, этап перехода невесты в статус замужней женщины. На примерах вербального оформления гендерных норм в рамках «свадебных» фразеологических единиц обосновывается вывод о связи морально-этических ценностей с понятиями честь рода, семьи, девушки; любое неблагоприятное деяние расценивается как позор семьи, рода (Аликаев, Башиева, 2013).

Значимым заделом для нашего исследования является и другая работа этих же лингвистов. Справедливо отметив, что современная кавказская свадьба представляет собой синтез традиционных и новых, «посткоммунистических форм отражения коллективного знания», авторы отмечают, что карачаево-балкарская свадебная традиция обогатилась элементами, ранее свойственными русской свадьбе («комсомольской»), «появилась инвариантная модель свадьбы при сохранении основных черт свадебного обряда, таких, как сценарность, праздничность, коллективность, эстетичность, эмоциональность, символичность, динамичность» (Аликаев, Башиева, 2019: 65). На материале ассоциативного эксперимента авторы статьи подвергли анализу лексико-фразеологические и паремнологические единицы и предложили ряд тематических групп, отражающих различные этапы свадебной обрядности (брачный возраст невесты; смотрины; сватовство; подготовка к свадьбе и др.). Особое внимание уделено взаимосвязи языковых и этнокультурных смыслов номинаций, отражающих специфику мироощущения, этнического сознания носителей карачаево-балкарской этнолингвокультуры, указано на факт утраты некоторыми словами и сочетаниями этнокультурного смысла (там же: 65–69).

Резюмируя обзор лингвистических исследований, посвященных карачаево-балкарской свадебной обрядности, можно определенно утверждать, что проблемное поле десемантизации и приращения этнокультурных смыслов является недостаточно изученным. Отдельные выводы языковедов, упоминающих о процессах изменений и новаций, не получили специального описания. Вместе с тем некоторые артефакты как базовые элементы свадебной обрядности, транслирующие вербальную и невербальную объективацию этнической картины мира карачаевцев и балкарцев, деактуализировались (Аликаев, Башиева, 2019), другие, напротив, расширили этнокультурный смысл. И эти процессы требуют изучения не только в рамках узконаправленных координат одной лингвистической дис-

циплины: социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвистическая культурология, когнитивная лингвистика и др.

В совокупности обзор представленных выше документальных источников позволяет сделать вывод о том, что интерес к свадебной обрядности в карачаево-балкарском языке не ослабевает. В некоторых работах (Кучмезова, 2003; Бегеулов, Зельницкая, 2018; Аликаев, Башиева, 2019) так или иначе отмечается трансформация ранее имевшихся этнокультурных смыслов. Вместе с тем представляется очевидным то, что прошлые и современные формы данного объекта, изменения и новации, трансформация его функционала, и в частности — десемантизации и приращения этнокультурных смыслов артефактов требуют междисциплинарного изучения не только в рамках одной науки.

«Околосвадебные» этнокультурные артефакты

Составной частью терминологии свадебного обряда являются лексические единицы, объективирующие различные этапы торжества и связанные с ними ритуалы, представляющие этнокультурную ценность как сакральные знаковые компоненты. Они, наряду с другими средствами репрезентации многочисленных составляющих свадебного торжества, ситуативно обусловленных на всех этапах, способствуют укреплению этнической идентификации, сохранению этнокультурной памяти, этнической картины мира.

Суммируя исследования предшественников, можно уверенно говорить о том, что свадьба в карачаево-балкарском языке номинируется общетюркской лексемой *той* 'празднество, торжество' и его дериватом *юйленгенде... этилиучю... кэуанч*¹. Компонент *юйленген* от лексемы *юй* 'дом, квартира, жилье, место обитания или жизни людей' имеет значение 'обзаводиться семьей' и в основном репрезентирует семейный статус мужчины² (ср.: карач.-балк. *юй болургъа*, казах. *уй болу*, киргиз. *уйлөнүү*, турец. *evlenmek*). Наличие в карачаево-балкарском языке лексических единиц *юйюр* 'семья', *юйдеги* 'супруга' (досл. та, которая дома), *юйдегилендириу* 'женитьба', *юй башчы* 'глава семьи' (досл. глава дома), *юй бийче* 'супруга' (досл. княгиня дома), *юй кэуаргъа* 'создать семью' (досл. создать дом), *юйленирге* 'жениться, вступить в брак', *юйдегили* 'семейный, женатый', *юйлю* 'член семьи, домашний, семейный'³, фразеологических единиц *кэызыны юйден чыгъарыргъа* 'выдать замуж' (досл. вывести девушку из дома), *келинни юйге кийирирге* 'выйти замуж' (досл. ввести невесты в дом; имеется в виду в дом жениха) является свидетельством того, что семантика слова *юй* 'дом' не ограничивается значением жилища, содержит этнокультурный смысл сакрального места в картине мира карачаево-балкарского этноса.

Другая ситуация обстоит с некоторыми «околосвадебными» номинациями, которые можно вывести в разряд *историзмов, архаизмов* в карачаево-балкарской языковой системе.

Так, например, центральное место в жилище занимал *отжагъа* 'очаг', который символизировал отчий дом, единение семьи⁴. Он представлял собой окруженное плоскими камнями место для разведения огня в центре жилища. Над ним к потолку крепились *от сынжырла* 'очажные цепи'. Они, как и у других народов, символизировали неизбежность семейного очага и традиций. В карачаево-балкарской мифологии дом олицетворял космос, очажная цепь символизировала ось, свисающую с неба (Джуртубаев, 2011:418), поэтому образно-символическим компонентом свадебного обряда являлся ритуал приобщения невесты к очагу — *келинни юйню отжагъасына тийдирген адет* 'обычай прикосновения невесты к очагу', который состоял из вождения невесты вокруг очага женщиной — старшей в семье жениха, прикосновения правой руки невесты к надочажной цепи. В ходе изменения архитектуры жилища, адаптации его к более комфортным условиям, появления печи с дымоходом *отжагъа* 'очаг', *сынжыр* 'цепь' утратили утилитарные свойства, но сохранились как архаичные вербальные репрезентанты этнокультурных объектов. Этнокультурный смысл этих артефактов редуцирован и далеко не конвенционален, а сами номинации в силу привязанности их к определенному сценарию конвенциональны в языковой системе лишь в качестве историзмов или архаизмов.

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2005. Ючтомлукъ III. С. 540.

² Там же. С. 1134.

³ Там же. С. 1132–1135.

⁴ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2002. Ючтомлукъ II. С. 1077.

От 'огонь', как и у других народов, имел сакральный смысл: его гасили при смерти члена семьи, что репрезентировано в карачаево-балкарском фразеологизме *оту ёчюлдю* досл. 'его огонь погас', *оту суууду* досл. 'его очаг остыл', *отуна суу тёгюлдю* досл. 'его очаг залили водой', *оту жукълады* досл. 'его огонь заснул', а также в проклятии *отунг ёчюлсюн* 'пусть погаснет твой огонь'.

Зона очага *от жери* состояла из двух локусов — дальнего от двери — *от башы* (букв. 'голова огня'), *от аягъы* (букв. 'нога огня') — близкого к двери. Гостей сажали на самое почетное место в доме — *от башы*, символизирующее почитание старших по возрасту, поэтому предназначенное, как правило, для главы семьи *юй тамата*, гостей *къонакъла*, в том числе и сватов — *келечиле*. М. Ч. Кудаяев отмечает, что «огонь в очаге выступал как очистительная сила, способная помочь в успехе переговоров. Тушить огонь, когда шли переговоры, считалось большим оскорблением для сватов» (Кудаяев, 1988: 35). В данном случае также наблюдается процесс редукции этнокультурного смысла в устойчивых ранее словосочетаниях: *от башы*, *от аягъы*.

В современной повседневной традиции вместо *очага* используются артефакты *къанга башы* (досл. 'голова стола') — почетная часть помещения, *эшик арты* (досл. 'за дверью') — менее почетная часть. Следы специфики этнического восприятия огня, этнокультурной памяти карачаевцев и балкарцев сохранились во фразеологических единицах с компонентом *от 'огонь'*, например, *от башына олтургъа* 'сесть на почетное место'. Вокруг очага совершались различные обряды, которые включали обязательное обращение к божествам, главным из которых в пантеоне тюрков, как известно, был *Тенгри* (*Тейри*) — персонифицированное существо, которое, по представлениям тюрков, обладало неограниченной властью¹.

Таким образом, анализ представленных «околосвадебных» артефактов позволяет сделать вывод о том, что заложенные в них этнокультурные смыслы обеспечивают реализацию важных функций — межпоколенной трансмиссии, ценностно-ориентационной, регулирующей, аксиологической и др. функций. Их можно разделить на актуальные, функционирующие в современной жизни этноса, и неактуальные, сохраняющиеся в языковой системе в качестве историзмов и архаизмов. Такие лексемы, как *той*, *юйленген той* продолжают репрезентировать в вербальной форме явления, относящиеся к ядру не только этнолингвокультуры, но и сохраняют этнокультурный смысл. Это же утверждение справедливо в отношении лексемы *юй* 'дом', не ограничиваемой, как было подчеркнуто выше, значением жилища, а в сочетании с дериватами расширяет этнокультурный смысл: *юйюр*, *юйдеги*, *юйдегилендириу*, *юй къуаргъа*, *юйленирге*, *юйдегили*, *юйлю*, *къызыны юйден чыгъарыргъа*, *келинни юйге кийирирге* и др. Все они входят в словообразовательную систему, объединенную сакральным значением в картине мира карачаево-балкарского этноса.

Вместе с тем такие артефакты, как *от башы*, *от аягъы*, *от сынжырла*, *келинни юйню отжагъасына тийдирген адет* — десемантизировались и остаются в качестве архаичных вербальных репрезентантов этнокультурных объектов; они могут быть отражены при необходимости в лексикографических источниках как архаизмы и историзмы. В современной же традиции вместо *от башы* используется сочетание *къанга башы* 'почетное место', а вместо *от аягъы* — *эшик арты* 'менее почетное место'.

Десемантизированные ритуальные коммуникативные практики

Согласно этикету карачаевцев и балкарцев, сватов принимали за столом в верхней части очага, вокруг которого происходили все дальнейшие обрядовые действия. Поскольку родителям нельзя было хвалить дочь, задавать вопросы, касающиеся жениха, его семьи, они пользовались различными предметами, в частности орудиями труда, кухонной утварью и т. д., которые, по мнению М. Ч. Кудаяева, символизировали виды желаемой информации (Кудаяев, 1988). Таким образом, речь идет об этнокультурной ритуальной коммуникации. Полагаем, что о таком виде коммуникации писал М. Эпштейн еще четыре десятилетия, призывавший к осмыслению и описанию новой отрасли знания — реалогии — науки и вещах (Эпштейн, 1985). Постижение духовного содержания, этнокультурных смыслов вещи, её историко-социокультурной значимости следует рассматривать как по-

¹ В карачаево-балкарском языке нечасто, но используются до сих пор пожелания и проклятия с компонентом *Тейри*: *Тейри насыпны кёп берсин* (досл. 'пусть Тейри даст много счастья'), *Тейри урсун* (досл. 'пусть Тейри ударит тебя').

стижение мировоззренческих установок, исторических, идеологических и других смыслов, которыми наделяет вещи тот или иной этнос в историческом процессе — в этом заключается призыв М. Эпштейна.

Актуальными для предварительного этапа свадьбы — обряда сватовства — в карачаево-балкарской этнолингвокультуре в прошлом являлись различные предметы, по локации которых в помещении сваты получали информацию о тактиках поведения семьи девушки, то есть артефакты выступали в качестве особого канала коммуникации. Для их декодирования гости должны были владеть определенными ритуально-коммуникативными компетенциями. Аналитика эмпирического материала подтверждает данную мысль: ни один из предметов по своему лексикографическому значению не имеет прямого отношения к свадебному обряду, однако их сопроводительная функция заключалась в содержащейся в них невербальной информации, которые сваты должны были «прочитать» и принять адекватные решения.

Некоторые артефакты ярко демонстрируют процесс десемантизации этнокультурного смысла, они принципиально не декодируются, как прежде.

Так, например, это можно показать на совершенно неожиданном предмете — очажные щипцы *къысхач / къычхач* (карач.-балк. *къысхач*; алт. *кыскаш*; каз. *қысқаш*; тув. *кыскаш* от общетюркского полисемичного глагола *къыс* в значении ‘сжимать, сдавливать, стискивать’)¹ в значении ‘орудие труда, используемое для сжимания, схватывания чего-либо’². Устойчивое словосочетание *от къысхач* ‘очажные щипцы’ у карачаевцев и балкарцев связано с культом отжагъа — очага, *от орун* — места очага, *от сынжыр* — ‘надочажной цепи’. Посредством очажных щипцов родители девушки сигнализировали о своем решении (Кудаев, 2011: 7). Повернутые к очагу раскрытые очажные щипцы означали готовность семьи к переговорам; повернутые ручками к окну — исключение умыкания девушки, так как она не достигла брачного возраста; повернутые к двери — продолжение переговоров в другой день; закрытые щипцы — окончание переговоров. Иногда вместо щипцов использовались другие функционально активные предметы, например, *къашыкъ* ‘ложка’. Если её головка была повернута к очагу, семья согласна начать переговоры; к окну — переговоры переносятся; к дверям — переговоры окончены. «В случае согласия семьи девушки мать прикасалась к очажным цепям» (Аликаев, Башиева, 2019: 66).

Кстати, заметим, что в других этнокультурах очажные щипцы и другие очажные атрибуты также, помимо утилитарного значения, заключают в себе этнокультурные смыслы. В современных карачаево-балкарских коммуникативных предсвадебных стратегиях такой канал коммуникации деактуализировался, соответственно, и коммуникативные навыки, свойственные предшествующим поколениям, утратились.

Каналом коммуникации выступала и новая обувь *жангы аякъ кийим*. Если её ставили около гостей, это означало, что к девушке сватаются и другие. Если на столе были *альчики* ‘надкопытные косточки животных (чаще всего бараньи)’, то требовалась дополнительная информация о материальном положении жениха. Информацию о статусе жениха родственники невесты получали и с помощью других артефактов. Например, профессию кузнеца символизировал *чѣгюч* ‘молоток’, профессию ювелира *жюзюк* ‘кольцо’ и т. д.

Гастрономические артефакты, которые сторона девушки использовала как маркер оценки ситуации и своеобразный, этнокультурный канал коммуникации, имели целью получить информацию о наличии или отсутствии проблем, препятствующих согласию родителей. Например, подача на стол *бушто* ‘тюри’ означала, что жених намного старше невесты; *кзуут, талкъан* ‘толокна’ — жених бедный, *къозла* ‘орехов’ — у жениха много братьев, *хыяр урлукъла* ‘тыквенных семечек’ — у жениха много сестер (Кудаев, 2011: 18–20); *айрана* ‘кисломолочного продукта’ — у девушки есть старшая сестра, молока *сут* — не устраивает возраст парня, масла *жау* — девушка богата сыра *бишлякъ* — у невесты много женихов, яйца в сметане — родители хотят узнать поподробнее о женихе (Семенов, 2006: 148). Отрицательную символику имели *бишген къаз* ‘вареный гусь’ — парень не нравится девушке; *сарымсакъ* ‘чеснок’ — несогласие дяди по матери; *шишлик* ‘шашлык’ — нужно много подарков, потому что много родственников; *бишген баппуш* ‘вареная утка’ — отказ; жареные кусочки легкого — намек на второй визит сватов и др. (Аликаев, Башиева: 2019: 66).

¹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 447.

² Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2002. Ючтомлукъ II. С. 798.

В современной свадебной практике приведенные артефакты не используются, поскольку смысловой контекст обряда сватовства упростился до обмена мнениями сторонами жениха и невесты о дате и процедуре проведения торжества при сохранении устойчивых элементов (Бегеулов, Зельницкая, 2018: 15).

Таким образом, как показал анализ отдельных ритуальных коммуникативных стратегий, с течением времени динамика этнокультурных смыслов характеризуется отрицательным приростом, т. е. десемантизируется. С другой стороны, плотность этнокультурного смысла иных артефактов возрастает.

Наращение этнокультурного смысла

Если вышеперечисленные коммуникативные стратегии ушли в историю, то подготовка *той байракъ* 'свадебного флага' (от слова *байракъ* 'флаг, стяг, знамя')¹, являясь одним из древних семейных ритуалов карачаевцев и балкарцев, активизировался в последние годы. Еще Н. Ф. Грабовский писал об импровизированном знамени на балкарской свадьбе, которое служило «знаком соединения молодых людей для одной общей цели — защиты вверенной им девушки»². Полуторавековой давности случай на свадьбе срывания с древка знамени, означавший величайший позор, способный «вызвать серьезную драку и неприятные ее последствия», к которым можно отнести и похищение невесты³, декодируется, «считывается» подобным же образом и современными карачаевцами и балкарцами.

Той байракъ изготавливают из плотного шелка, на котором вышивают тамгу, родовой герб. Некоторые семьи, живущие в частных домах, к внутренней стороне забора прикрепляют тамги из камня. Тамги «существовали не только как наследственные знаки, обозначающие родовую и сословную принадлежность, но и использовались как символы территориального присутствия, удостоверения личности, покровительства» (Галимова, 2022: 156). *Той байракъ*, изначально несущий сакральный смысл, остается в современном обществе носителем «божественной, мистической субстанции», а тамга связана с тюркским миром (Хатуев, 2012: 11, 6). В словаре зафиксированы следующие значения слова *тамгъа* 'тавро, клеймо; знак, мета, пометка, опознавательный знак'⁴, свидетельствующие о полифункциональном характере артефакта.

В случае успешного сватовства семья жениха вывешивала *тукъум* (род/племя) *байракъла* 'флаги обоих родов', чтобы возвестить жителей о предстоящем событии. Этот ритуал актуализировался и наращивает этнокультурный смысл в настоящее время, что может говорить о стойком желании самопозиционирования родов.

В парадигме доминантных ритуалов одним из самых экспрессивных является древний обряд *баш ау алгъан* 'показ невесты родителям и родственникам жениха, после чего она приобщается к домашнему труду'⁵. Он актуален на любой свадьбе, в том числе и межэтнических торжествах, независимо от того, выдают дочь или женят сына. Таким образом, карачаевцы и балкарцы сохраняют значимость приоритетности этого ритуала, несмотря на то, что входят в пределы иной этнокультуры. Традиционно семьи с пониманием принимают новое для них культурно-символическое явление с новым этнокультурным смыслом.

Баш ау (балк.), *ау жаулукъ* (карач.) 'покрывало невесты', *гыранча* 'большой шелковый с кистями платок', используемый для выполнения обряда *бет ачыу* 'открытие лица'⁶, актуален в этнокультурах и других тюркских народов (казах. *бет ашар*; кумык. *бет ачыв*; ног. *бет ашар*). На голову невесты перед

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1996. Ючтомлукъ I. С. 315.

² Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2005. Ючтомлукъ III. С. 347.

⁵ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1996. Ючтомлукъ I. С. 362.

⁶ См.: Карачаево-Балкарский свадебный обряд знакомства с невестой [Электронный ресурс] // Яндекс.Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2694133869129785186> (дата обращения: 09.03.2025) и др.

вводом в помещение, в котором проходит торжество, накидывают три платка, два из которых снимает палочкой мальчик из многодетной благополучной семьи и передает старшей в роду женщине. Первый платок символизирует *жамаутха бет ачыу* ‘открытие лица обществу’, второй платок — *юйге бет ачыу* ‘открытие лица для членов семьи’, третий платок остается на голове невесты как атрибут замужней женщины. Два небольших платка, привязанные к рукам, снимают, чтобы девушка получила право выполнять домашнюю работу в доме мужа — ‘*юй жумуш этерге эркинлик*’, пятый платок, которым обвязывают поясицу, *кзыз намыс* — символ невинности невесты’, после снятия которого невеста получает право иметь детей. На межэтнических свадьбах, как правило, ведущий с целью сближения традиций обеих сторон дает участникам торжества информацию о смысловом контексте ритуала снятия платков как культурно обусловленных артефактов, подчеркивает их сакральную ценность. В современной вариации обряд сопровождается специальным танцем вокруг невесты¹.

Как факт интегрированности карачаево-балкарской традиции в контекст иной свадебной обрядности, вследствие проживания карачаевцев и балкарцев в Казахстане и этнокультурного взаимодействия, можно привести проведение обряда открывания лица невесты *бет ачыу* (казах. *бет ашар*) в смешанных / межэтнических семьях с исполнением *тегерек теңсеу* — балкарского кругового танца. Такое этнокультурное единство вполне оправдано тем, что карачаевцы, балкарцы, оказавшись в Центральной Азии во время депортации в 1940-х гг., с одной стороны, сохранили этнокультурные скрепы, константы, а с другой — органично вписались в казахское этнокультурное пространство. С обрядом снятия платка связан ритуал расставания с девичеством ‘*кзызлыкъ*’: *кзыз кийимле тешген, кзыз эрге баргынчы кийген быстырла*² — свекровь дарит родственницам одежду, которую невестка носила до бракосочетания, а ей покупает новую.

В традиционной символической системе свадебного обряда важное место занимает один из культурно маркированных элементов процесса подготовки к свадьбе *кзоз бёрк* (ног. *козы боьрк*) ‘обрядовая ореховая шапка, которая преподносилась родителям невесты от имени жениха’ (Кудаев, 2012: 49). Её изготавливают из войлока и прикрепляют к древку из ореха, так как *кзоз терек* ‘орех’ был одним из почитаемых мифологизированных деревьев, поэтому прямые обструганные ветки использовали в качестве шеста для укрепления флага, шапки. Об этом свидетельствует и то, что, как пишет М. Ч. Кудаев, «лучшему исполнителю танца на свадьбе преподносили ореховые бусы, исполнительнице — ореховую крестообразную куклу. Охотники, увидев ореховое дерево, перед охотой исполняли фрагменты из охотничьих танцев около или вокруг него» (там же: 236). Этот обычай характерен преимущественно для сельской местности.

Различные предметы, которыми украшают войлочную шапку, обшитую шелком или бархатом, содержат в себе этнокультурные смыслы: *кзозла* ‘орехи’ — счастье, *татлы* ‘сладости’ — благополучная семейная жизнь, *ару баучукъла* ‘ленточки из дорогих тканей’, *гитче жаулукъчукъла* ‘маленькие платочки’ — красивая жизнь, *темир ахча* ‘монеты’ — богатство, *минчакъла* ‘бусы’ — много детей и т. д.

Порядок использования артефактов в качестве этнокультурных маркеров, включения их в систему актуальных ценностных норм поведения при реализации ритуалов требует адекватной реакции участников обряда, чтобы не выходить за пределы морально-нравственного поля, потому что каждый предмет выполняет не только эстетическую, но и регулятивную функцию, а также функцию межпоколенной трансмиссии. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в карачаево-балкарской свадебной обрядности, наряду с десемантизированными, активно функционируют артефакты, плотность этнокультурных смыслов которых характеризуется положительным, содержательным приростом.

¹ См.: Баш ау алгъан адет — Карачаево-Балкарский свадебный обряд Таулу той [Электронный ресурс] // Яндекс. Дзен. URL: <https://dzen.ru/video/watch/65f8bbc029815d3a18401847?ysclid=m9xwh705ez172770924> (дата обращения: 09.03.2025) и др.

² Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2002. Ючтомлукъ II. С. 746.

Заключение

Карачаево-балкарская свадебная обрядовая культура, как и все ритуально-обрядовые действия любого этноса, направлена на удовлетворение духовных потребностей, поскольку в ней аккумулируется этнокультурный смысл. Формируясь под влиянием факторов, обусловленных историческим и социокультурным развитием этноса, карачаево-балкарская свадебная обрядность функционирует в комплексе объектов и субъектов коммуникации.

Передача последующим поколениям этнокультурных смыслов артефактов осуществляется посредством «околосвадебных» и свадебных артефактов, часть из которых с течением времени десемантизировалась и перешла в разряд архаичных, а часть, вступая во взаимодействие с новым жизненным опытом этноса, сохраняет и/или обретает новые ценностные смыслы. Редукция, полная утрата или приращение этнокультурного смысла той или иной вещи или явления трансформирует семантику карачаево-балкарского этнокультурного пространства.

Дальнейшие исследования свадебной обрядности не представляется продуктивными вне междисциплинарных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аликаев, Р. С., Башиева, С. К. (2013) Гендерная норма в контексте свадебного обряда (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 1. С. 154–157.
- Аликаев, Р. С., Башиева, С. К. (2019) Особенности номинации лингвокультурной информации в свадебной картине мира карачаевцев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 64–69.
- Аппоев, А. К. (2011) Лексико-семантические группы этнографической терминологии карачаево-балкарского языка // Вестник Челябинского государственного университета. № 13 (228). С. 26–30.
- Бегеулов, Р. М., Зельницкая, Р. Ш. (2018) Трансформация современной свадебной обрядности у карачаевцев // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (214). С. 15–27.
- Болурова, А. Н. (2007) Брачный обряд у карачаевцев в XIX — начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. С. 38–47.
- Галимова, Н. В. (2022) Графическая символика фамильных тамга-знаков кабардинцев и балкарцев // Herald of Humanitarian Education. Вып. 2 (26). С. 155–161.
- Девеева, А. А., Додуева, А. Т. (2016) Репрезентация лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 8. С. 137–141.
- Девеева, А. А. (2017) Языковая экспликация основных этапов карачаево-балкарской свадьбы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 101–103.
- Джуртубаев, М. Ч. (2011) Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик : Эльбрус. 488 с.
- Дичковская, Е. А. (2018) Десемантизация как базовый концепт эволюции культурных процессов // Вести Института современных знаний. № 3 (76). С. 85–90.
- Додуева, А. Т., Жабоева, А. А., Девеева, А. А. (2017) Локативные составляющие лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Международный научный журнал «Инновационная наука». Т. 3. № 4. С. 166–168.
- Кудаев, М. Ч. (1988) Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик : Эльбрус. 124 с.
- Кудаев, М. Ч. (2003) Карачаево-балкарская этнохореография и символика. Нальчик : Эльбрус. 108 с.
- Кудаев, М. Ч. (2011) Старинная карачаево-балкарская свадьба. Нальчик : Книга. 200 с.
- Кудаев, М. Ч. (2012) Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик : Книга. 279 с.
- Кучмезова, М. Ч. (2003) Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик : ЭЛЬ-ФА. 210 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Михайлова, Е. Л. (2010) О культурных контекстах, испытании десемантизацией и судьбе психологических практик // Московский психотерапевтический журнал : консультативная психология и психотерапия. № 1 (64). С. 103–120.

Нещименко, Г. П. (1994) Язык и культура в истории этноса // Язык — культура — этнос / отв. ред. Г. П. Нещименко. М. : Наука. 242 с. С. 78–98.

Сарбашева, А. М. (2014) Традиционная свадебная обрядность и балкарское драматическое творчество // Вестник Дагестанского научного центра. № 54. С. 118–121.

Семенов, К. Б. (2006) Методы торможения в традициях и обычаях карачаевского народа // Вестник Адыгейского государственного университета. № 1. С. 148–152.

Соколова, А. Д. (2022) «Смерть отброшенная»: десемантизация смерти и новое понимание человека в раннем СССР // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (56). С. 235–243.

Тувинцы : Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хатуев, Р. Т. (2012) Карачаево-балкарская символика. Опыт этнической семиотики. Черкесск : ИКО «Аланский Эрмитаж». 89 с.

Шаманов, И. М. (1979) Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX — начале XX в. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии / отв. ред. Я. А. Федоров. Черкесск : Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы. 192 с. С. 78–111.

Шаймердинова, Н. Г. (2019) «Киргизско-русский словарь» (1897): культурные и языковые экспликации // *Turkic Studies Journal*. № 1. Вып. 1. С. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.32523/tsj.01-2019/5-5>

Щербинин, А. И., Щербинина, Н. Г. (2019) Десемантизация сакраментальных конструктов «Ленин» и «Родина» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 47. С. 200–215.

Эпштейн, М. (1985) Реалогия — наука о вещах // Декоративное искусство СССР. № 6. С. 1–22.

Дата поступления: 04.02.2025 г.

Дата принятия: 14.04.2025 г.

REFERENCES

Alikaev, R. S., Bashieva, S. K. (2013) Gender norm in the context of the wedding ceremony (linguocognitive aspect). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 154–157. (In Russ.)

Alikaev, R. S., Bashieva, S. K. (2019) Features of the nomination of linguocultural information in the wedding worldview of the Karachays. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 4, pp. 64–69. (In Russ.)

Appoev, A. K. (2011) Lexical-semantic groups of ethnographic terminology in the Karachay-Balkar language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 13(228), pp. 26–30. (In Russ.)

Begeulov, R. M., Zelnitskaya, R. Sh. (2018) Transformation of modern wedding rituals among the Karachays. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 1 (214), pp. 15–27. (In Russ.)

Bolurova, A. N. (2007) Wedding rite among the Karachays in the 19th — early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, special issue, pp. 38–47. (In Russ.)

Galimova, N. V. (2022) Graphic symbolism of family tamga-signs of Kabardians and Balkars. *Herald of Humanitarian Education*, issue 2(26), pp. 155–161. (In Russ.)

Deveeva, A. A., Dodueva, A. T. (2016) Representation of wedding ritual vocabulary in the Karachay-Balkar language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8, pp. 137–141 (In Russ.)

Deveeva, A. A. (2017) Linguistic explication of the main stages of a Karachay-Balkar wedding. *Filologicheskie nauki Voprosy teorii i praktiki*, no. 7(73), part 3, pp. 101–103. (In Russ.)

Dzhurtubaev, M. Ch. (2011) *Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of Balkars and Karachays. Karachay-Balkar heroic epic*. Nalchik, Elbrus. 488 p. (In Russ.)

Dichkovskaya, E. A. (2018) Desemantization as a basic concept of cultural processes evolution. *Vesti Instituta sovremennykh znaniy*, no. 3(76), pp. 85–90. (In Russ.)

Dodueva, A. T., Zhaboeva, A. A. and Deveeva A. A. (2017) Locative components of wedding ritual vocabulary in the Karachay-Balkar language. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal Innovatsionnaya nauka*, vol. 3, no. 4, pp. 166–168. (In Russ.)

Kudaev, M. Ch. (1988) *Karachay-Balkar wedding ceremony*. Nalchik, Elbrus. 124 p. (In Russ.)

Kudaev, M. Ch. (2003) *Karachay-Balkar ethnochoreography and symbolism*. Nalchik, Elbrus. 108 p. (In Russ.)

- Kudaev, M. Ch. (2011) *Old Karachay-Balkar wedding*. Nalchik, Kniga. 200 p. (In Russ.)
- Kudaev, M. Ch. (2012) *Cultural heritage of Balkars and Karachays*. Nalchik, Kniga. 279 p. (In Russ.)
- Kuchmezova, M. Ch. (2003) *Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity*. Nalchik, EL'-FA. 210 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on modern Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. (1996) *Inside thinking worlds: Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow, Yazyki russkoi kultury. 464 p. (In Russ.)
- Mikhailova, E. L. (2010) On cultural contexts undergoing desemantization and the fate of psychological practices. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, no. 1(64), pp. 103–120. (In Russ.)
- Neshchimenko, G. P. (1994) Language and culture in the history of an ethnos. In: *Language — culture — ethnicity* / ed. by G. P. Neshchimenko. Moscow, Nauka. 242 p. Pp. 78–98 (In Russ.)
- Sarbashieva, A. M. (2014) Traditional wedding rituals and Balkar dramatic creativity. *Vestnik Dageskogo nauchnogo tsentra*, no. 54, pp. 118–121. (In Russ.)
- Semenov, K. B. (2006) Methods of restraint in traditions and customs of the Karachay people. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 148–152 (In Russ.)
- Sokolova, A. D. (2022) “Rejected death”: desemantization of death and the new understanding of man in the early USSR. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, no. 1(56), pp. 235–243 (In Russ.)
- Tuvans : Native people* (2022) / eds. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 360 p. (In Russ.)
- Khatuev, R. T. (2012) *Karachay-Balkar symbolism: Experience of ethnic semiotics*. Cherkessk, IKO “Alanskii Ermitazh”. 89 p. (In Russ.)
- Shamanov, I. M. (1979) Marriage and wedding rituals of the Karachays in the 19th — early 20th century. In: *Arkheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkessii* / ed. by Ya. A. Fedorov. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskii nauchno-issledovatel'skii institut ekonomiki istorii yazyka i literatury. 192 p. Pp. 78–111. (In Russ.)
- Shaimerdinova, N. G. (2019) “Kirgizsko-russkii slovar” (1897): Cultural and linguistic explications. *Turkic Studies Journal*, no. 1, issue 1, pp. 73–86. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32523/tsj.01-2019/5-5>
- Shcherbinin, A. I. and Shcherbinina, N. G. (2019) Desemantization of sacramental constructs “Lenin” and “Motherland”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya Sotsiologiya Politologiya*, no. 47, pp. 200–215 (In Russ.)
- Epstein, M. (1985) Realogy — the science of things. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, no. 6, pp. 1–22. (In Russ.).

Submission date: 04.02.2025.

Acceptance date: 14.04.2025.